

сказать, но спазмы сдавили ей горло, и она чуть не расплакалась.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Только слышалось усиленное біеніе двухъ взволнованныхъ сердець, да по прежнему таинственно и дремотно шептались деревья. Леночка сѣла на скамью и глядѣла, какъ огонь папиросы освѣщаль лицо дяди. „О чемъ онъ хочетъ со мною говорить?“ думала она.

Но вотъ папироса потухла. Діодоръ остановился передъ Леной.

— Леночка, что у васъ вышло съ отцомъ?—спросилъ онъ.

— Такъ... долго рассказывать...—отвѣчала Лена, вспыхивая.

— Онъ тебя ударилъ?..

— Ударилъ...

Діодоръ хрустнулъ пальцами, и снова воцарилось молчаніе. Голоса въ домѣ стихли; въ комнатѣ Володи стукнуло окно.

— А знаешь ли что?—вымолвилъ, наконецъ, Діодоръ.—Вѣдь еще не очень поздно, поѣдемъ прокатиться на лодкѣ. Здѣсь братецъ твой все за мною шпионить... А тамъ мы поговоримъ на свободѣ... въ послѣдній разъ,—добавилъ онъ тише.—Ну... поѣдешь?..

— Поѣду.

— Не бойшься, что тебя хватятся?

— Не боюсь... все равно!—рѣшительно сказала Леночка и встала.

— Ну, такъ поѣдемъ. Давай сюда ручку. А не холодно тебѣ будетъ въ одномъ платьѣ?

— Нѣтъ, ничего.

— Смотри! Впрочемъ, если озябнешь, я тебѣ пальто свое отдамъ. Поѣдемъ.

По дорожкѣ слышались шаги; кусты запелестѣли. Діодоръ поспѣшно схватилъ Лену за руку, и оба быстро сбѣжали внизъ, къ рѣкѣ. За ними вслѣдъ гулко посыпалась земля.

Вскорѣ плескъ весель показалъ, что они отплыли. А на берегу вырисовалась чья-то темная фигура и долго смотрѣла имъ вслѣдъ.

Нѣмая и сырая тишь рѣки обняла плывцовъ. Во мглѣ безлунной теплой ночи деревья казались какими-то гигантами, которые, обступивъ лодку со всѣхъ сторонъ, словно шептали ей съ угрозой: „подожди! не торопись!—вѣдь никуда не уйдешь отъ насъ“... Но лодка плыла все впередъ и впередъ, могучими ударами весель будя заснувшую гладь рѣки. Сонныя волны съ журчаніемъ разбивались о ея борты. Берега бѣжали. Вотъ уже послѣдніе огоньки пригоринскихъ избъ погасли за поворотомъ рѣки.